

НИС ТУТА PERENNAT

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

№ 10 (3341)

Сентябрь, 10, 1993

Цена свободная

"Социальная философия Ивана Ильина"
О семинаре на факультете социологии рассказывает Д.Цыганков

Стр. 6-7.

Снежный человек в Вологодской области

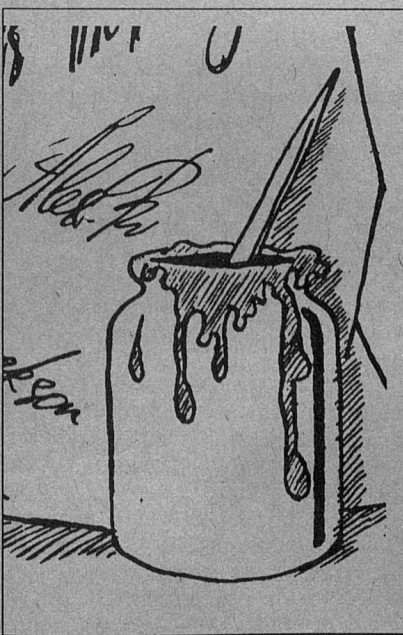
Стр. 9

"Став Георгием Ибериони, он основал монашеское братство защитников Святой чаши Грааля. Сейчас братство живет в горах Центральной Грузии, посвящая свое время, силы и энергию работе

в найденном Георгием леи пять назад ... Ноевом ковчеге"

Стр. 10-11

"Толстой учил нас как быть женщиной"

Перлы из сочинений абитуриентов

Стр. 12

РЕЗОЛЮЦИЯ

участников митинга работников высших учебных заведений Санкт-Петербург 1 сентября 1993 года

1. Собравшись на чрезвычайный митинг, работники высших учебных заведений Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона отмечают, что события последних месяцев, недель и дней еще ярче высветили позицию безразличного отношения к судьбе высшего образования. Высшая школа России брошена на произвол судьбы.

2. Правительство нарушило генеральное соглашение на 1993 год и отраслевое (тарифное) соглашение, не выполнило свое решение об увеличении с 1 апреля оплаты труда работников бюджетной сферы.

3. Непоследовательность Президента и Правительства, систематически невыполняющих собственные указы и постановления, привели к глубокому кризису образования, особенно высшей школы и науки.

4. После принятия Указа Президента РФ № 842 обстановка в вузовских коллективах резко обострилась. 1 разряд Единой тарифной сетки по фактическому финансированию высшей школы составляет на 1 сентября 2250 рублей. Должностной оклад доцента при этом около 16500 рублей.

5. Правительство упорно уходит от переговоров с профсоюзами, всячески оттягивая их, выбирает тактику проволочек. Оно фактически игнорирует социальных партнеров, каковыми являются профсоюзы и работодатели. Таким образом, переговоры по вине Правительства срываются и не дают положительных результатов.

6. Во всех вузах города избраны забастовочные (стачечные) комитеты. Вузовские коллективы готовы в соответствии с законодательством прибегнуть в случае необходимости к организованным действиям, вплоть до забастовки.

7. Студенты, учителя, работники Российской Академии Наук поддерживают и выражают свою солидарность с преподавателями и сотрудниками вузов.

8. От имени работающих в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона требуем от Правительства РФ:

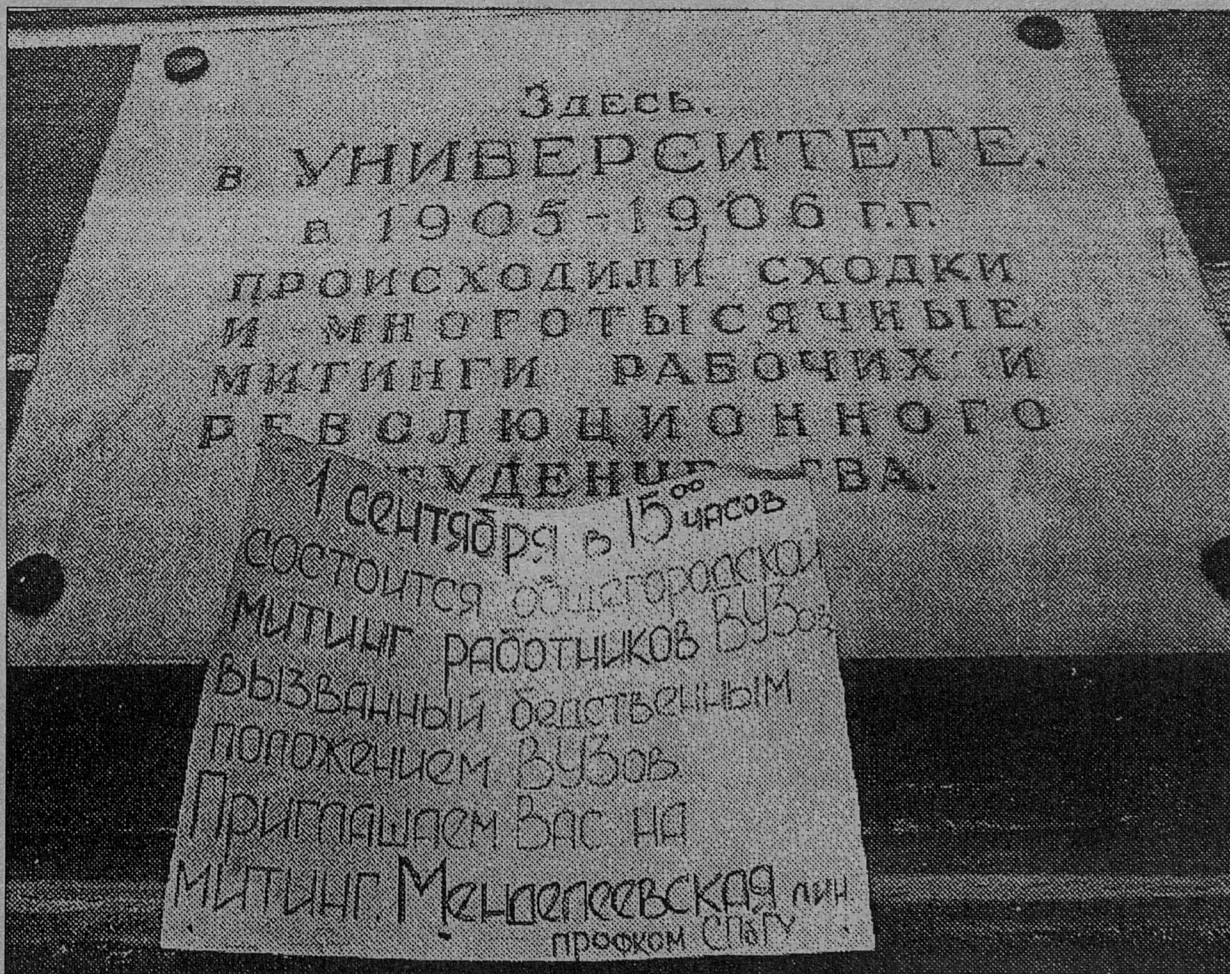
1). Выполнения Указа Президента РФ № 1 и Закона РФ "Об образовании" в полном объеме.

2). Осуществления индексации месячной тарифной ставки (оклада) 1 разряда ЕТС с 1 июля и компенсации материального ущерба, нанесенного работникам высшей школы в III квартале 1993 года.

3). Разработать и утвердить механизм индексации доходов граждан в соответствии с Законом РСФСР "Об индексации денежных доходов и сбережений граждан в РСФСР".

Объявляем сентябрь 1993 года месяцем защиты социально-экономических прав работников высших учебных заведений и спасения высшей школы России от развала.

О митинге 1 сентября читайте на стр. 2-3.

Праздник с болью в сердце

Церемония посвящения прошла вчера, как и многие годы подряд, а сегодня праздник, толком не начавшись, плавно свернул на совсем другую дорогу.

То, что рано или поздно мы придем именно к этому, ясно было уже давно, когда стали уходить в поисках хорошей жизни и толстого куска хлеба первые, самые нетерпеливые сотрудники университета, хотя эйфория от осознания себя национальным достоянием долго не давала замечать, что "неладно что-то в королевстве". Только с недоумением ошупывали пухлый кошелек, сдувавшийся, как воздушный шарик, после первого же набега в магазин...

А потом — летний шок, когда у вузов в одночасье не оказалось денег, чтобы отправить сотрудников в отпуска, и аварийные меры, которые еще предстоит компенсировать непонятно из каких средств. Можно много судачить о том, что-де страна развалена и за что боролись, на то и напоролись. Да только без толку. В общем-то, не в этом дело. Когда говорят пушки — музы, как известно, молчат.

Митинг работников вузов, состоявшийся на Менделеевской линии 1 сентября, когда метроном отстучал все положенные ему удары, возможно, даже сильно запоздал. "Сытое брюхо к учению глухо", — нашли мудрую формулу средневековые студиозы. Ну, а к обучению? Долго ли будет еще числиться в десятке сильнейших университетов мира наш, Санкт-Петербургский, не имея денег не только на обеспечение учебного процесса современной техникой, но и на залатывание ветшающих зданий? И если профессор не может себе позволить купить новые ботинки, то не наладить ли лекции по переписке (хотя, при нынешних почтовых расценках...)

Нет, это все не шкурные вопросы и не мелочи. Потому что, если этот корабль и нельзя потопить, в чем я все еще глубоко убежден, то экипаж его зато возможно уморить голодом. Высшая школа не нуждается в лаврах "Летучего Голландца", но это не значит, что она вообще ни в чем не

Странное впечатление производил университет 1-го сентября. Тихий, солнечный праздничный день. Но словно бы затаившись в этой тишине, еле различимые, доносились до внутреннего слуха размеренные и неотвязные удары метронома. Игра фантазии?

нуждается.

Об этом и говорили участники общегородского митинга работников высших учебных заведений Санкт-Петербурга, организованного городскими профсоюзными организациями.

Вот что рассказал мне Владимир Вачаганович Бадалов, председатель ассоциации профсоюзных организаций вузов Санкт-Петербурга:

— Поначалу политика руководства России не предвещала ничего плохого для высшей школы. Первый указ Президента посвящен был высшей школе, и там была заложена основа оплаты работников высших учебных заведений: два оклада по промышленности. Затем эта же позиция была подкреплена в Законе "Об образовании", и тоже — радужные перспективы, но за все время существования ни Указ № 1, ни Закон "Об образовании" не выполнялись по части оплаты труда, и финансирование осуществлялось в размере 80-83% от промышленности вместо обещанных 200%.

— Как так могло получиться?

— Могло быть только две причины: во-первых, банкротство, у правительства действительно нет денег, и они неоднократно объясняли эту ситуацию, и во-вторых — это целенаправленная политика по развалу системы высшего образования в том виде, в каком она сегодня есть. Буквально два дня назад по телевидению выступал Шумейко, вице-президент, который сказал, что их высшая школа в том виде, как она есть, не устраивает. Я могу допустить, что, действительно, нынешняя высшая школа не устраивает в условиях радикальных изменений политической и экономической ситуации в стране, но это не значит, что нужно разрушить высшую школу.

Она должна претерпеть какие-то изменения, но не разрушение. К сожалению, сегодня кроме разрушений ничего другого нет. Вот в этом весь трагизм. Кроме того, все-таки мы — профорганы — предполагали, что нам удастся достигнуть соглашения о выполнении этих указов на уровне межправительственных соглашений. Заседала примирительная комиссия, мы обращались в арбитраж, к Президенту, к Хасбулатову, и предполагалось, что мы все-таки найдем какое-то разумное решение. Но перед самым отпуском периодом ситуация резко изменилась, появился Указ Президента № 842 от 3.06.93, который возвращал всю государственную сферу к ставке первого разряда 2.250 руб. Высшая школа финансировалась на основании этого Указа.

— То есть, фактически в три раза меньше, чем в промышленности?

— Да. Тем не менее, надо отдать должное Союзу ректоров и руководству вузов, они в большинстве вузов страны справились с задачей, выплатили отпускные из расчета 4.500 руб. Как они это сделали — это уже секреты ректоров, — то ли были на время изъяты студенческие средства, то ли займы и т.д. Но финансирование до сих пор идет из расчета 2.250.

— Но ведь те же займы нужно возвращать. Из каких денег?

— Вот именно. Ну вот было сообщение о том, что теперь ставка первого разряда 8.000, и вчерашнее выступление Президента, казалось бы, должно вселять некоторую радужную перспективу. К сожалению, радоваться указам и обещаниям мы уже разучились. Практика показывает, что от слов до дела еще долгий период реализации. Надо еще дожидаться финансирования из расчета 4.500, затем говорить уже о 8.000, и это еще несколько месяцев упорных, кропотливых переговоров на уровне правительства.

Поэтому профсоюзы вынуждены уже вовлекать широкую общественность в это движение. Разработана целая программа — вот эти митинги, которые начинаются в Санкт-Петербурге и продлятся в 15 крупнейших вузовских центрах России, завершатся в Москве 8 сентября, 15-го будет Всероссийская конференция работников высшей школы, в октябре предполагается съезд ректоров России. Кроме того, мы предполагаем провести

профсоюзный референдум, который должен будет показать правительству, что сегодня общественное мнение резко качнулось в сторону от результатов референдума апрельского.

Если все это не возымеет действия, а я надеюсь, что все-таки правительство понимает остроту ситуации, — судя по вчерашнему выступлению Президента, где он говорил, что обеспокоен ситуацией в высшей школе, — тогда, конечно, речь может пойти о забастовочном движении, хотя это было бы печально, жалко, стыдно, если бы высшие учебные заведения вдруг прекратили функционировать.

— С другой стороны, жить-то тоже на что-то нужно.

— Поэтому мы от борьбы и не отказываемся, но все же стараемся это делать достаточно цивилизованными методами. И не хотелось бы, чтобы эта борьба перешла в варварские демонстрации с требованиями отставки и т.д.

— Однако работники вузов — народ, во-первых, терпеливый, а во-вторых, такого видимого воздействия на промышленность, как, скажем, шахтеры, система вузов не оказывает...

— Это неверная точка зрения, потому что никакому правительству не хотелось бы, чтобы самая интеллектуальная часть общества и самая динамичная часть общества, студенчество, вдруг вышли на улицы. Никакое правительство, ни где, это не украсит. Это падение авторитета России на международной арене, и тем более любые такие массовые акции не прибавляют авторитета правительству; к тому же, речь пойдет о досрочном переизбрании и законодательной, и исполнительной власти... Так что крайние меры будут крайне неприятными. Если вузовская общественность вместе со студентами вмешается в этот процесс, результаты его могут быть непредсказуемы.

— Конкретно у этого митинга, первого в программе, какие цели?

— Прежде всего обратить внимание правительства на то, что высшая школа действительно в крайне тяжелом состоянии. Пусть общественность сама подтвердит, что ситуация сложна, потому что усилие одних профсоюзных органов уже недостаточно. Все оппоненты на уровне правительства каждый раз говорят профсоюзам: "А что вы, собственно, бузите? Ведь общественность-то молчит. Покажите нам хоть один вуз, который готов выйти на забастовку, который готов провести митинг. Значит, все благополучно!" Так вот, цель сегодняшнего митинга — все-таки нам самим сверить барометры и посмотреть, действительно ли все благополучно. Если нет — мы готовы активизировать нашу профсоюзную деятельность.

— И резолюция митинга предполагает, что работники вузов готовы на забастовку...

— Вот и проверим сегодня, вот и проверим...

Через некоторое время к нашей беседе присоединился Сергей Павлович Кузин, председатель профсоюза работников науки и образования г.Москвы.

— Почему вы здесь сегодня? Сегодня все-таки, считается, День Знаний, и получается, у вас — праздник со слезами на глазах?

— Выходит, так. Мы своей небольшой делегацией специально приехали сегодня в Питер, для того, чтобы участвовать в сегодняшнем митинге в поддержку высшего образования. Мне бы не хотелось говорить — митинге против чего-то. В поддержку высшего образования. Вы правильно сказали, сегодня день знаний, сегодня праздник. Но я бы не стал говорить, что он — со слезами на глазах. Он — с болью в сердце, и очень бы хотелось, чтобы этот праздник не был омрачен, чтобы он и дальше был

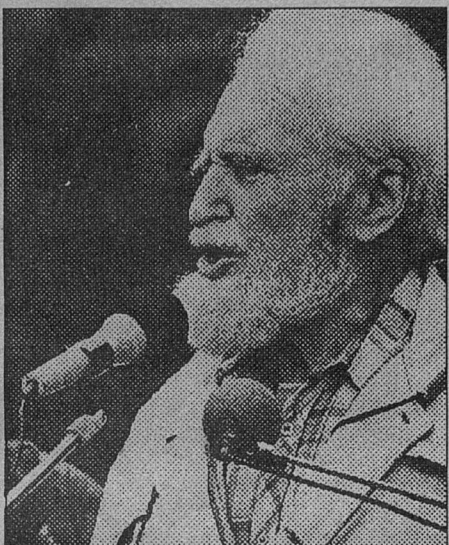
Из выступления исполняющей обязанности ректора СПбУ Людмилы Алексеевны Вербицкой в актовом зале 1 сентября

праздником не только для первоклашек, которые сегодня сели за парты, но и для студентов, которые пришли на первый курс в университет и в институты. А это возможно только тогда, когда те люди, которые учат студентов, будут получать достойную зарплату, и если эти люди не разбегутся из институтов.

— Что уже происходит понемногу...

— Что, к сожалению, происходит, конечно. В Москве и в Питере практически нет молодых преподавателей. Они ушли. И что же будет с нашим высшим образованием через пять лет? Именно поэтому мы здесь. Мы хотим сделать так, чтобы высшее образование не развалилось. Только вместе, только объединив наши усилия мы можем спасти высшую школу.

И завершил разговор председатель

Выступает академик А.Д.Александров

обкома профсоюзов народного образования и науки Санкт-Петербурга Павел Иванович Харин:

— Я хочу сказать о том, что организаторы митинга — мы, профсоюзы культуры, отраслевой профсоюз, обком профсоюзов работников здравоохранения, Ассоциация профсоюзных организаций вузов Санкт-Петербурга, — прекрасно понимаем, что митинги всем уже надоели. Митинговая дипломатия хороша была в определенный период. И тем не менее мы проводим митинг, как уже сказал мой коллега из Москвы, в поддержку народного образования и в первую очередь высшей школы, потому что высшая школа загнана в тупик, доведена практически до развала. Дай бог, чтобы этот митинг был последним, потому что предстоит большая работа. Мы уже устали от той борьбы, на которую нас все время толкают — мы хотим мирно созидать, спокойно заниматься.

Сегодня, выступая на митинге, я хочу сказать о том, что в первую мировую войну, даже в русско-японскую, в гражданскую — многие отрасли бастовали, но учителя продолжали учить детей. 15 мая в прошлом году бастовали один день, и это чуть не переросло во всероссийскую забастовку. Тогда правительство поняло и приняло какие-то меры, но они не были кардинальными. Вот у меня с собой данные, опубликованные в сегодняшней газете "Труд": доля расходов на образование в национальном бюджете развитых стран. В США она составляет 13,7%, в Японии 11,7%, в Германии 11,6%, в Великобритании 11,4% ... Россия — 2,5-3% национального бюджета. Разве можно так? В Указе Президента № 1 образование объявлено приоритетной, престижной сферой народного хозяйства. Поэтому мы сегодня на этом митинге, и я думаю, что он принесет какие-то плоды.

Что ж, хотя и с большой долей горечи, но все-таки — с праздником!

Хочется верить, что будущее у высшей школы есть. В условиях, когда власть предрасположена озлобиться, похоже, только процессом вырывания друг у друга изо рта кусков пирога власти, сил и настойчивости потребуются ой как много.

Игорь МАЛЬСКИЙ

В своем докладе "Основные проблемы деятельности Санкт-Петербургского университета в современных условиях" исполняющая обязанности ректора член-корреспондент Российской академии образования Л.А.Вербицкая осветила многое из того, что уже прозвучало на страницах нашей газеты в интервью, данном Л.А.Вербицкой нашему корреспонденту накануне нового учебного года. Тем не менее, нам бы хотелось выделить некоторые фрагменты этого доклада на встрече деканов, заведующих кафедрами и руководителей научных подразделений (последний раз такая встреча состоялась 15 лет назад, а эта планировалась еще Станиславом Петровичем Меркурьевым).

Почему сегодня такие встречи особенно важны? Во-первых, необходимо коренным образом изменить отношение к высшей школе вообще и к Санкт-Петербургскому университету в частности (Санкт-Петербургский университет не один из 43 вузов нашего города, а единственный, уникальный. В указе Президента от 18 декабря 1991 года это зафиксировано, но настоящего, реального постановления, которое бы четко оговаривало и финансировало все льготы, которые университет в связи с этим должен получить, до сих пор нет.

Проблемы высшего образования можно было бы ранжировать следующим образом: первое, нет определенности, какое государство мы строим, и, следовательно, для какого государства нужно готовить специалистов. Кто заказчик? Второе. Тяжелое экономическое положение, разрыв хозяйственных связей, сокращение образовательного пространства негативно повлияло почти на все параметры развития высшего образования, в том числе и на состояние экономики университета. И конечно, новые экономические отношения повлияли на то, что отношение части молодежи к проблеме высшего образования меняется.

В июне 1993 года состоялся Внеочередной Чрезвычайный съезд Российского союза ректоров. В число основных его требований вошли следующие: включить высшие учебные заведения в число организаций социально значимых сфер деятельности, восполнить до 1 июля вузам все долги за первое полугодие по заработной плате, стипендиям и другим статьям бюджета. Профинансировать заработную плату и отпускные средства профессорско-преподавательскому составу и служащим вузов с 1 апреля исходя из тарифной сетки 1 разряда в размере 4,5 тысяч рублей. Выделить необходимые средства на приобретение и проведение работ по подготовке к новому учебному году. Осуществлять поквартальное финансирование. Компенсировать инфляционные долги вузам из-за несвоевременной выплаты заработной платы и стипендии. Из шести требований, вошедших в это постановление, практически не выполнено ни одно.

По указу Президента от 1 мая министерство заморозило до 1 августа средства, предназначенные для госбюджетных учреждений из расчета 4,5 тысячи рублей 1 разряд. На 1 сентября средства, которые по перерасчету должен был получить университет, еще не получены (финансирование профессорско-преподавательского состава и науки проводилось из расчета 2,250. Студентам была пересмотрена стипендия уже из расчета минимума 4,500 рублей. Кроме того, студенты получили

право оплаты дороги и, уезжая на каникулы, студенты могли получить свои деньги за два месяца, чем воспользовались 25 процентов студентов). Сегодня университет вынужден был взять кредит — 250 миллионов рублей как беспроцентную ссуду нам выделила мэрия, мэр подписал отсрочку кредита до 1 ноября. Но городские власти все-таки недостаточно помогают вузам. Правительство Москвы дало вузам кредит 2 млрд. и на год, во-вторых, они ввели строчку в бюджет города в помощь вузам — например, на 3 квартал 1993 года выделили 248 млн. рублей. Для вузов Москвы тарифы на электроэнергию теперь будут взиматься по неиндексированной группе два, то есть как детские дома, медицинские учреждения, а по тепловой энергии они приравнены к организациям здравоохранения, образования, культуры и спорта. То есть это действительно реальная помощь вузам. Кроме того, выделены земельные участки для строительства вузов, студенческих общежитий, спортивно-оздоровительных комплексов. Приоритет высших учебных заведений установлен в целом ряде вопросов. В нашей мэрии проект подобного постановления обещали подготовить.

Накануне нового учебного года Л.А.Вербицкая получила телеграмму, подписанную председателем государственного комитета по высшей школе Владимиром Георгиевичем Кинелевым и адресованную сотрудникам нашего университета: "Госкомвуз поздравляет коллектив и руководство вуза с началом нового учебного года и выражает надежду, что, несмотря на имеющиеся трудности, коллектив организованно начнет учебный год. Отчетливо представляя тяжелое финансовое положение вузов, Госкомвуз принимает все меры по исправлению создавшегося положения, настойчиво добивается полной ликвидации задолженности по зарплате, выделения дополнительных ассигнований на повышение должностных окладов и стипендий. 13 августа правительство России приняло рабочую программу Совета министров правительства РФ на 1993-95 годы "Развитие реформ и стабилизация Российской экономики", в соответствии с которой в области высшего образования правительство намерено: первое, не допустить спада уровня государственного финансирования, достигнутого в последние годы с учетом инфляции, предоставить образовательным учреждениям право получения льготного беспроцентного кредита в банке в случае задержки финансирования с обязательным погашением его минфином в установленные сроки. Четвертое, освободить образовательные учреждения от всех видов налогов и пошлин. И ряд других мер. В настоящее время Госкомвуз России готовит предложения в правительство по программе и реализации принятой программы". Кроме того из государственного комитета получен закон РФ об индексации минимального размера оплаты труда, которую предполагается провести с 1 сентября — в 1,81 раза. Но деньги придут не раньше октября. В сентябре же будет произведен перерасчет отпускных с учетом доплат за особо ценный объект, что составит один оклад.

Из сказанного в докладе Л.А.Вербицкой хочется выделить еще одно положение. "Мы государственный университет, и пойти на то, чтобы мы сами выжили за счет того, что очень резко увеличили платный прием, наверное было бы неправильно."

Поэтому платный прием — не больше 10 процентов". В этом году — 1842 человека принято на дневное отделение, на платной основе — 170 студентов. Коммерция — не самоцель, а средство выживания. За прошлый год коммерческий прием дал около пяти миллионов, в этом году платные формы обучения дадут около 50 млн.

Говоря о расширяющихся международных контактах, Л.А.Вербицкая сказала о том, что университет получил около ста компьютеров. Участие в международных программах и проспектах можно определить в полтора млрд.руб. При поддержке зарубежных партнеров открыт новый факультет Школа менеджмента. 25 аспирантов и сотрудников получили стипендии от министерства культуры Финляндии, получены стипендии от ФРГ и других стран.

В прошлом году по решению минвуза прием был сокращен на тридцать процентов. В этом году он фактически увеличен: на дневное отделение принято на 7 человек больше увеличенного плана 1835 студентов, на вечернее — 565 первокурсников, 458 — на заочное.

На трех факультетах университета введены новые специальности: социальной антропологии — на социологическом, культурологии — на философском и экономики туризма — на экономическом факультете. Физический факультет, факультет географии и геозологии, биолого-почвенный, геологический переходят к подготовке по новой системе бакалавр-магистр, а у биологов и физиков уже состоялся первый выпуск бакалавров, на биолого-почвенном факультете начинается подготовка магистров.

Говоря о контрактной системе, Людмила Алексеевна подчеркнула, что контракт — последняя точка оформления конкурса. В контракте оговариваются особые условия. По контракту сотрудник может быть взят на работу на год — на два.

С 1 сентября 1993 года оппонирование докторской диссертации — 5625 руб., кандидатской — 3375.

Финансирование науки в последние два года превратилось в оплату труда. В течение 4-5 лет научно-исследовательские институты практически не имеют возможности покупать дорогостоящее наукоемкое оборудование, поэтому резко сократился объем заказов, например, на нашем экспериментально-опытном заводе, возросла цена книг. Думая об этом, следует стараться получить деньги там, где их можно получить: активно подавать заявки на участие в научных программах и конкурсах грантов, уделять особое внимание постоянному конкурсу грантов российского фонда фундаментальных исследований — сегодня только обладатели грантов могут участвовать в конференциях, покупать и оплачивать оборудование.

Из грустных курьезов: никто не может отправить на родину 78 выпускников-иностранцев из разных стран (правда, среди них есть и такие, которые и уезжать-то не хотят!)

В течение месяца до 1 октября каждый универсант может подать в комиссию по выборам ректора свои предложения.

Принято решение, что здание бывшего НИФИ будет реконструировано (необходимая сумма будет выделена из фонда СОРОСа). И главное. Задача наша сохранить университет, сохранить традиционные научные школы и развивать новые перспективные направления.

Подготовила Лариса ФЕЦЕНКО

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ НОВОСТИ

Информация комиссии о ходе работы по разработке Устава университета

Выступление в актовом зале 1 сентября Сергея Александровича Малинина, зам. председателя комиссии, зав. кафедрой юридического факультета

В настоящее время университет живет без действующего устава, а это основной документ всей деятельности университета. С августа мы живем по новому типовому положению о высшей школе (о высших учебных заведениях), но и оно не может полностью отражать всего своеобразия такого организма, как университет. Правда, попытки создания устава в последние годы предпринимались не раз (в 1989-90 годах проект устава был разработан, но из-за разногласий между Ученым советом и администрацией с одной стороны, и профсоюзами с другой, Устав не был утвержден. Теперь сложилось такое положение, что нам уже деваться некуда: Устав должен быть разработан. Во-первых, по закону об образовании все высшие учебные заведения должны пройти аттестацию и получить лицензию на свою деятельность (в том числе и наш университет!). Нам дали лицензию, но авансом: на аттестацию, в числе прочих документов, нужно подавать и Устав, а потому в ближайшее время он должен быть разработан. Во-вторых, наш университет причислен к особо ценным объектам культурного наследия Российской Федерации, и по Постановлению правительства РФ от 30 ноября 1992 года мы должны выработать свое положение об особо ценном объекте и представить это Положение на утверждение правительства РФ, что для нас чрезвычайно важно: это положение может быть и составной частью разрабатываемого Устава, а значит будет четко определено наше место в системе высшего образования РФ.

Комиссия, созданная Ученым советом, уже провела постатейное обсуждение большинства разделов и одобрила их. Но окончательного текста проекта пока еще нет. Поэтому можно говорить о некоторых — принципиальных — положениях устава.

Видимо, устав будет небольшой по объему (около 15 страниц). В нем будут закреплены лишь основополагающие положения по жизнеобеспечению нашего университета — без излишней регламентации, потому что устав должен быть устойчивым от различных конъюнктурных колебаний, чтобы не так часто вносились поправки, а детализация будет дана в специальных положениях и должностных инструкциях.

Две идеи пронизывают все содержание проекта: первое — не забывая, что университет является государственным учебным заведением и над нами стоит федеральный орган государственного управления высшим образованием, а следовательно, есть элемент субординации, все же в проекте красной нитью проходит идея автономности университета (причем значительная степень самостоятельности касается всех областей деятельности университета, в том числе и управленческой) — в уставе предусмотрено значительное расширение возможностей и факультетов, и университета в целом. Второе. Отражая современные реалии и поддерживая новаторские тенденции, Устав обращает внимание на необходимость сохранения и развития высшей школы в целом, и нашего университета в особенности. И это касается не только отдельных положений устава, но даже и формы изложения (например, в первоначальном проекте в перечне высших должностных лиц университета после ректора назывался глава администрации, теперь же в перечне "Ректор, первый проректор и т.д."

В проекте несколько статей посвящено кафедрам. Определено место кафедры в структуре университета: кафедра — это фундамент, базис, на котором строятся все здание университета.

Впервые в документе такого рода закрепляется дата основания университета. К моменту утверждения устава историки и юристы разберутся, какую дату признать окончательной: является ли днем основания университета день 22 января 1724 года, когда было принято положение об учреждении академии наук и художеств, правленое и одобренное

императором Петром Первым и в соответствии с которым и был основан наш университет, или когда это положение вступило в силу — два варианта — после принятия Сенатом указа 28 января 1724 года или указа императрицы Екатерины Первой от 21 декабря 1725 года.

Еще одна новизна проекта — произошли некоторые изменения в структуре университета. Вводится новое понятие — учебно-научный центр, в состав которого могут входить факультеты, институты, участки, учебные базы, заповедники, опытные производства и другие структурные подразделения. Фактически учебно-научные комплексы существуют, теперь же они получают юридическое оформление как подразделения организационной структуры университета и могут получать полномочия юридического лица по доверенности ректора.

Факультеты и другие структурные подразделения становятся более самостоятельными, в том числе и в использовании финансовых средств и других имущественных отношениях — они могут, как и институты, и центры, по доверенности ректора получить полномочия юридического лица, иметь расчетные — в том числе и валютные — счета в банковских учреждениях. С другой стороны, институты, которые сами по себе являлись юридическими лицами, теперь получают полномочия юридического лица по доверенности ректора. По нынешнему законодательству при университете могут функционировать организации, которые имеют юридическое лицо, но они не являются структурными подразделениями университета и отношения между университетом и той организацией, которая находится при универси-

тет, строятся на договорной основе. Но саму возможность создания организаций — особенно коммерческих! — при университете нужно шире использовать — сам университет как государственное высшее учебное заведение заниматься коммерческой деятельностью не должен. Еще одна оговорка: такой правовой статус институтов может быть и временным — надо подождать принятия Верховным Советом Закона о высшей школе (парламентский комитет в июне месяце закончил разработку проекта и передал его на рассмотрение заинтересованных ведомств). До конца этого года можно ожидать принятия закона о высшей школе самим парламентом. В проекте устава закреплено положение об издательстве университета как структурном его подразделении, имеющем полномочия юридического лица по доверенности ректора.

Определено соотношение полномочий Ученого совета и ректора. Ученый совет осуществляет общее руководство университетом, решает наиболее важные принципиальные вопросы жизнедеятельности университета. Ректор осуществляет непосредственное управление университетом и является высшим должностным лицом в университете.

К вопросу об избрании ректора. Общая практика такова: Ученый совет избирает комиссию, чтобы изучить тот или иной вопрос — какие наиболее целесообразные формы и какой порядок установить при избрании ректора. Наша комиссия сегодня заинтересована в том, чтобы предложений в комиссию поступало как можно больше, и она тщательно изучит все эти предложения. Нормативные акты предусматривают следующий порядок избрания ректора. В новом положении о

высших учебных заведениях говорится, что порядок занятия должности ректора определяется уставом высшего учебного заведения в соответствии с законом РФ об образовании. В законе вариантов много: ректор может быть нанят советом образовательного учреждения по контракту, или учредитель может ректора назначить, при этом у совета есть право вето. Есть еще рекомендация союза российских ректоров и Ассоциации российских вузов, где прямо говорится, что эти две организации рекомендуют проводить выборы, избрания ректора на ученых советах. Как выдвигаются кандидатуры, проходит обсуждение, — не указано.

Теперь о замещении должностей профессорско-преподавательского состава. По закону об образовании замещение таких должностей должно производиться на контрактной основе. Наш Ученый совет принял постановление, которое предусматривает, что, прежде чем оформить контракт, профессорско-преподавательский состав должен проходить конкурс, начиная с кафедры — нужна рекомендация кафедры, потом Ученый совет и т.д. Но никакого противоречия между законом и постановлением нашего Ученого совета нет: контракт — завершающая стадия оформления найма сотрудника на работу, где определяются права и обязанности сторон, при этом предусматриваются и дополнительные права сотрудников университета, например, возможность зарубежных командировок; если выполнена большая нагрузка, чем предусмотрено по контракту, то администрация обязана оплачивать поручения сверх указанной в контракте нагрузки.

В проекте более четко регламентируются права и обязанности участников учебного процесса. В частности, за профессорско-преподавательским составом сохраняется самостоятельная разработка программ, методов обучения. Проработав определенный срок, например, 10 лет, сотрудник имеет право на дополнительный оплачиваемый отпуск до одного года без отчета о выполненной работе. Продумывается возможность приблизить к западным стандартам и нагрузку преподавателей с сохранением индивидуального подхода при заключении контракта.

В сентябре комиссия завершит работу, затем — обсуждение в структурных подразделениях. По новому положению устав принимается общим собранием (конференцией) преподавателей и научных сотрудников, а также представителей других категорий сотрудников и студентов. Порядок созыва конференции и квоты определяются Ученым советом.

Итак, будем веселиться, пока мы молоды!

Так начиналась песенка, которую придумали в XII веке студенты Гейдельбергского и Парижского университетов. Великий "Гаудеамус"! В исполнении университетского хора он был признан чуть ли не лучшим номером праздничного "Посвящения в студенты".

Раньше (т.е. лет 15 назад) 31 августа к главному входу университета, где выстраивались полторы с лишним тысячи студентов, лихо подъезжала карета. Перед первокурсниками являлся Петр, дабы наставить их на путь истинный. А то и сам Михайло Васильевич мог пожаловать, рассказать кое-что из истории университетов Российских.

Сегодня все выглядит гораздо проще, но тем не менее очень торжественно.

—... В вашей жизни начинается лучшее время... — доносилось с трибуны. Но пожалуй, мои соседи-математики озабочены иными обстоятельствами:

— Смотри-смотри! Пролет!

— Да нет же! Надо что-то оставить — праздник-то отметить.

(Дело в том, что заведующий студенческим клубом Олег Иванович Виноградов и первокурсник, на свою беду получивший почетное право зажечь Огонь Знаний, суетились с бутылкой спирта и факелом).

Торжественная речь продолжалась.

—... С сегодняшнего дня университет станет для вас родным...

— Эх, какой шашлычок бы сейчас на этом костре получился!

Между тем Олег Иванович вновь возник у трибуны, уже без бутылки спирта, но зато с Ключом Знаний.

—... И вот теперь, когда вы стали студентами университета...

— Ух ты! Деревянный?

— Да нет, пластмассовый.

— Чего вы спорите? Пенопластовый: вон какой легкий.

И все бы обошлось. Но когда в третий раз явился Олег Иванович, уже с громадной зачеткой в руках... Студенты не выдержали. К счастью, на трибуне взрыв хохота был расценен как знак одобрения, тем более, что вслед за ним последовали бурные овации.

В общем, по-студенчески веселое и задорное, по-университетски торжественное и символическое вышло на этот раз "Посвящение". А главное — солнышко приветствовало вновь прибывших универсантов.

В один солнечный день, такой же, как сегодня, мама взяла за руку Виталика-первокурсника и отвела в школу. 10 лет спустя Виталик-первокурсник привел маму и младшую сестренку Таню в университет. Ведь посвящение в студенты, так же, как и посвящение в школьники — и родительский праздник тоже.

— Вы довольны, что ваш сын поступил на экономический факультет университета?

— Еще бы! Мне до сих пор не верится. Конечно, он у нас всегда хорошо учился, да и школа сильная. Почти все одноклассники Виталика поступили в вузы, несколько человек — в университет.

— Вы, наверное, для страховки брали репетиторов. Если не секрет...

— Конечно нет! Правда, у нас все репетиторы были знакомые, преподаватели вузов. Считайте: полгода по 3 часа в неделю. В час — очень дешево! — 500 рублей.

— У вас самой высшее?

— Нет, и очень об этом жалею. Сейчас высшее образование не в цене. Но это продлится несколько лет, не больше — как раз наши дети отучатся. А потом, думаю, в любой фирме будут цениться специалисты с университетской подготовкой.

— Виталий, а что университет для тебя самого значит?

— Уверенность в себе. Не только в том, что я лично смогу хорошо устроиться. Я надеюсь, нам удастся изменить что-то к лучшему во всей стране. С теми ребятами, с которыми я поступал, это получится!

Игорь Яковлевич Фроянов, декан исторического факультета.

— Игорь Яковлевич, вы помните, как вас посвящали в студенты?

— Это был 58 год. Я поступил в Ставропольский пединститут. У нас была приблизительно такая же линейка. Мы выстроились прямо в спецовках с ведрами, а рядом уже стоял грузовик. Нас прямо с праздника забирали на кукурузные поля.

— Вам нравится, как этот праздник проходит в СПбУ?

— Я в Петербургском университете с 63-го года, и на "Посвящении" бывал много раз. Раньше мне как-то больше нравилось. Безо всякой театрализации: то, что перед первокурсниками выступали лучшие ученые университета, имена которых были уже хорошо известны ребятам, производило огромное впечатление.

Вот уже второй год на заседаниях цент-

ли, с такими-то анкетными данными! Хотя мне в колонии дали очень хорошую рекомендацию.

На втором курсе я уже учился в Петербургском университете, т.к. отец мой был посмертно реабилитирован, и мама вернулась в Ленинград.

— Вы, конечно, и не представляли, что сами будете посвящать в студенты тысячи ребят?

— Да уж. Вообще это мое седьмое "посвящение"; но в первый раз пришлось вести весь праздник самой, без Станислава Петровича Меркурьева...

Мне в этом году очень понравились первокурсники. Такие живые, непосредственные.

— Действительно — победители! Ведь в университете на всех факультетах сохраняется конкурс, тогда как многие вузы вынуждены объявить дополнительный набор.

ральной приемной комиссии обсуждается вопрос: стоит ли вообще проводить общеуниверситетское построение? И второй год отклоняется предложение разбежаться по факультетам. Мне кажется, этот общий сбор первокурсников в их первый день в университете — одна из важнейших традиций СПбУ. Такой праздник дает ощущение причастности к университету вообще. А это необходимо почувствовать в первый же день: ты — студент университета.

— Что бы Вы сказали новым универсантам, если вам пришлось бы выступать?

— То же, что говорил много лет назад. У меня, кстати, нет ощущения, что наши студенты как-то особенно меняются. Университет избирает особых людей: что бы ни происходило в обществе, сюда тянутся люди с высоким уровнем культуры, с высокими запросами.

Я посоветовал бы ребятам не терять ни часа, не поддаваться соблазну рубля. Время не воспользуем. У студента обязательно должно быть ощущение, что он все время продвигается вперед.

Людмила Алексеевна Вербицкая, исполняющая обязанности ректора.

— Мне пришлось поступать во Львовский университет, хотя я коренная петербурженка. В 1950 г. мой отец был репрессирован, и меня отправили в детскую колонию во Львов. На вступительных экзаменах самое трудное было написать диктант на украинском языке, а чтобы поступить, надо было по всем предметам получить "5"!

Первый день в университете... Для меня это был совершенно необыкновенный день. Мне все не верилось: неужели меня приня-

— Дело в том, что "университетов" десятки, а настоящий университет в Петербурге по-прежнему единственный. Ни один из вузов не дает такой фундаментальной теоретической подготовки, которая позволяет человеку ориентироваться в любой области знаний. Кроме того, у нас есть уникальные кафедры, которых нет даже в других университетах — кафедра скандинавской филологии, например.

— Людмила Алексеевна! У Вас наверняка остались приятные воспоминания о студенческой жизни?

— Мне очень повезло. Я попала в университет, когда здесь читали лекции наши классики: Жирмундский, Томашевский, Бялый, Мануйлов. Тогда пойти в Эрмитаж с профессором Зиндером (он и сейчас работает на филфаке) было истинным наслаждением. Специалист по общему языкознанию и фонетике в любом зале музея мог провести интереснейшую экскурсию.

Это было действительно Профессора! Сейчас, к сожалению, широкое и глубокое образование уступило место узкой специализации. Еще бы! Для того, чтобы быть Профессором, нужны условия, которых нет в нашей суетливой жизни.

Владимир Николаевич Красильников, профессор физики.

— В 50-м году, когда я поступил, еще никаких церемоний не было. Первый учебный день начался прямо с лекции по высшей математике. Читал нам ее замечательный профессор В.И.Крылов. Мы все собрались тогда в большой физической аудитории в НИФИ. Портреты ученых, таблица Менделеева — после школьных-то классов! И зна-

ете, это было лучшим посвящением — настоящая университетская лекция. Никаких общих красивых фраз, никаких напутствий. Начали прямо с дела.

Вот и сейчас. Вместо того, чтобы собираться на праздник весь университет, пусть бы на каждом факультете первокурсникам прочли лекции лучшие преподаватели, это уж действительно запомнится на всю жизнь.

— А как же ощущение причастности ко всему университету?

— Единого университетского пространства уже все равно практически не существует. Более того, ни на факультетах, ни даже в группах единства нет.

— Студенческая жизнь обмельчала до "учебного процесса". А когда вы были студентом?

— У нас всегда были возможности и желание общаться друг с другом после занятий. В 50-е годы на филфаке, например, собиралось раз в неделю ЛИТО (литературное творческое объединение), где ребята читали свои стихи. А на нашем факультете был прекрасный хор. Когда хористы отправились в колхоз, они создали целую республику Мелихорию, со своим гимном и конституцией. Тогда стоило только повесить объявление: кто хочет петь, приходите! Пели повсюду — на праздниках, на работе. Слышали? "В шесть часов, день за днем, слышен возглас "подъем!" Эту песню придумали наши филологи во времена студенческихстроек. Университет строил несколько ГЭС. Мы чуть ли не дрались с другими вузами за право строить 3, а не 2 станции. Я помню, пронесся слух, что политехники откопали какую-то узкоколейку — целая буря поднялась!

Тогда мы боролись за сохранение единого студенческого коллектива. Даже против соцсоревнований выступали. Я даже статью написал в нашу газету на факультете: поскольку условия жизни на стройке максимально приближены к коммунистическим, соцсоревнования считаю вредным пережитком.

— А что за коммунизм у вас был?

— Сельская школа. 1-2 маленькие комнатки. Девчонки внизу, мы на чердаке. Чай с хлебом, картошка. Подъем в шесть... А какое удовольствие проснуться за две минуты! Лежишь, растягиваешь их, а потом первый командуешь: "Подъем!"

А спартакиады между факультетами? Мы все время соревновались с математиками, и все время занимали 1 место по плаванию. Зачет был по количеству проплывших. Участвовали все, кто только на воде держался. Перед одним таким заплывом у нас красочный лозунг повесили: "Сбросим в воду больше народу!"

А ночное ориентирование? Увозили нас в лес, определяли маршрут 15-20 километров, делили на группы человек по 5. Старт назначался на 12 часов. Утром вылавливали заблудившихся. Представьте: до старта все вместе собираются у костра, поют песни под гитару... Что ни говори, а комсомольские годы — лучшее время в моей жизни.

— Куда это все исчезло?

— Не знаю. Но думаю, что тут дело в родителях нынешних студентов. Я склонен условно выделять в поколении 60-х 2 слоя. Первый — Окуджава, Эренбург и др. — те, кого собственно и называют шестидесятниками. И другие. Их дети сейчас в коммерческих ларьках подрабатывают. Для тех система ценностей укладывалась в триаду: машина, дача, квартира. Дух коммуналок сменился духом кооперативных квартир. Появилась замкнутость, отчужденность. Эти люди стремились обустроить свой быт. Они сэкономили. И сэкономили прежде всего на своей душе.

— Наверное, вам жаль сегодняшних студентов: им не так интересно и весело живется в университете.

— Мне — жаль. Но вряд ли они сами хотели бы вернуться в прошлое.

Подготовила
Марина ПОЛУБАРЬЕВА

Куда «заряжать» Ивана Ильина?

Итоги всероссийского научного семинара "Социальная философия Ивана Ильина", прошедшего на факультете социологии СПбУ под эгидой Исследовательского Центра "Русская социология: теория, история, опыт" и Научного совета республиканской научно-исследовательской программы "Народы России: возрождение и развитие", подводит сотрудник Исследовательского Центра Даниил Цыганков.

Вопрос, вынесенный мною в заголовок, выкристаллизовался в столь полемически заостренном виде лишь при подведении итогов семинара, когда его участники кратко высказывались о роли идей Ильина для современной России. Однако, вспоминая, как шло обсуждение, могу с уверенностью сказать, что эта проблема — под чью знамена встал бы Ильин, на какую чашу весов бросил бы сокрушительный молот своего красноречия — красной нитью прошла и через выступления, и через вопросы, и через жаркие споры на круглом столе "И.А.Ильин и будущее России", завершившем семинар. Это и не удивительно. В свое время, оказавшись в 1922 году в эмиграции, сам Ильин сделал недвусмысленный выбор: отказался от чисто академической деятельности и ринулся в гущу политической борьбы, блистая как отточенной речью на немецком и русском, так и отчетливым журналистским пером. И если мы обращаемся прежде всего к политологии Ильина, то потому, что будь он сейчас жив, посвятил бы ей свой могучий талант. Другое дело, что пора уже переходить к анализу более философских вещей у Ильина. В 1993-95 гг. в свет выходит десяти томное (в шестнадцати книгах) собрание сочинений Ильина, которое готовит крупнейший современный исследователь и публикатор Ильина в России — Юрий Трофимович Лисица. Его доклад был заявлен на нашем семинаре первым, но обстоятельства не позволили докладчику приехать из Москвы. Поэтому организаторы семинара попросили ст. преподавателя Технологического института И.И.Евлампиёва, выступавшего с сообщением о журнале "Русский колокол", редактировавшемся Ильиным в 1927-30 гг. в Берлине, подробнее остановиться на идейном наследии и духовной эволюции мыслителя.

Знакомство с наследием Ильина, отметил Евлампиёв, позволяет выделить три этапа. Все его раннее творчество связано с "западничеством" — направлением русской философской и политической мысли. Он почти исключительно ориентирован на классиков западной философии, в его правовых воззрениях царят идеи Гегеля и Канта, в политических убеждениях он остается приверженцем либерализма. Этот пер-

вый этап увенчивает фундаментальный труд "Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека" (1918), в котором Ильин интерпретирует земное бытие как состоящее из двух планов. Первый состоит в одиночестве личности, второй — в абсолютном духовном единстве людей. Право выражает стремление индивидуумов к этому единству. Мир есть воплощение божественной сущности — но, раз создав мир, Бог не может преодолеть зло в нем. Только человек — высшее воплощение божественной сущности может бороться и победить зло. Эта концепция ответственности в борьбе вела самого ее автора к решительным практическим действиям. После февральской революции Ильин публикует ряд брошюр в поддержку мероприятий Временного правительства, принимает участие в подготовке выборов в Учредительное собрание. Когда же революция обернулась катастрофой, выжив в заложенный в ней потенциал разрушения, Ильин, осуществив безжалостный суд над своими взглядами, с той же страстью начинает бороться против порожденного революцией режима и против всего, что он считал источником как Февраля, так и Октября. Пик политической активности Ильина приходится на 1925-30 гг., когда еще господствовало убеждение в скором падении большевиков, и усилие эмиграции казались существенным фактором, способным ускорить это падение. В 1925 году Ильин выпускает книгу "О сопротивлении злу силой", которая теоретически обосновывала право применения меча против сил зла и была посвящена бойцам Белого Движения. В те же годы Ильин становится редактором-издателем журнала "Русский колокол", должным, по его замыслу, стать идейным центром, объединившим вокруг которого, эмиграция смогла бы организовать реальную борьбу против большевизма. Соответственно, прекращение выхода журнала стало для Ильина свидетельством краха надежд на реальное значение усилий отдельного человека в истории, а значит, источником сомнений в самих основах его философского мировоззрения. На третьем этапе творчества политическая и публицистическая деятельность отходит для него на второй план, и главным снова становится философское творчество, в котором он пытается по-

нять причины разразившейся исторической катастрофы и найти выход из нее. Первой работой на этом пути стала книга "Путь духовного обновления", которая писалась в 1932-35 гг. Происходит сдвиг в философском мировоззрении Ильина — идея ответственности человека за ход истории уходит на второй план, а на первый выдвигается требование к человеку культивировать в себе основы веры, любви, совести, предполагающие скорее уход из мира, чем активную борьбу со злом в нем. Эта тема господствует во всех поздних философских произведениях мыслителя. Провозглашаемое в них превосходство церковного православия над философией лишает мысль Ильина смелости и глубины ранних работ. Его политическое мировоззрение после 1925 г. оказалось целиком в рамках "черно-белого" видения мира, которое, как можно надеяться, навсегда ушло в прошлое.

Если кратко сформулировать концепцию И.И.Евлампиёва, то она сведется к следующему: "жил в начале века в Москве подающий большие надежды философ Иван Ильин, гегельянец, либерал, западник. Но после октябрьского переворота и гражданской войны свихнулся — стал православным, славянофилом и патриотом". В чем И.И.Евлампиёв от имени мировой историографии приносит свои глубокие соболезнования всем поклонникам Ильина. Боюсь, что эта концепция зиждется на недостаточной проработанности методологии исследования научного наследия Ильина. Безусловно, заслугой И.И.Евлампиёва является попытка провести догматическое исследование идей Ильина, проанализировать их в обособленном существовании и внутреннем значении. Но оно должно быть дополнено историческим исследованием, выясняющим корни и основы тех или иных поворотов в воззрениях Ильина. Здесь совершенно недостаточно сопроводить философский разбор биографическими данными, что приводит И.И.Евлампиёва к поверхностному обличению идей Ильина с ближайшими событиями, поводами и намеками. Необходимо, прежде всего, уяснить положение Ильина в дофевральской России. В 1906 г. он заканчивает юридический факультет Московского университета — бастиона кадетства. Кадетство было не просто пар-

тией. Это было резкость и отравка, развитые по всему русскому воздуху, и все ими "надышались", даже и не замечая. Очень трудно было удержаться в убеждениях, совсем далеких от кадетства. Впрочем, учителем Ильина был П.Новгородцев. А ведь это "веховская" линия в философии! И т.н. "черносотенная" (т.е. национально-государственная) — в кадетстве (к ней относили Маклакова, Булгакова, Струве, Изгоева и др.). После Февраля все общество впало в какое-то глупостное ликование. Толпы народа "шатались по городу и орали ура — своим собственным виселицам, голоду, подвалам и чрезвычайкам" (И. Солоневич). Другое дело, что кое-кто, и среди них — Ильин, быстро трезвели (философски) и правели (политически). Ильин, который в своих брошюрах на злобу дня, выходящих в первые послефевральские месяцы, повторяет общепринятые в кадетстве бредни о сепаратных переговорах царя с немцами, о желании народа выиграть войну (крестьяне в шинелях, на самом деле, жаждали замирения) и т.д., уже в августе 1917, незадолго до корниловского "мятежа", выступая в Московском университете, на предварительном внепартийном совещании государственно мыслящих деятелей, скажет, что у Ленина в России есть преемник — министр Виктор Чернов, своей агитацией о земельном разделе губящий фронт. Это был безусловный вызов господствующему мнению хозяйничавших в стране ревдемократов. Через несколько дней, с трибуны Московского государственного совещания, аналогичные идеи выскажет генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Зачем же переносить поддержку Ильиным "идеи Корнилова" — идеи православного меча, идеи патриотизма — на 1925 год? Не могу также согласиться с тезисом об "угасании" активности Ильина после 1930. Он продолжал читать лекции в Русском научном институте в Берлине (вплоть до прихода нацистов), выступал с многочисленными речами по всей Европе, писал книги и участвовал в сборниках на немецком языке, направленных против большевизации Германии (т.е. против тельмановцев); большинство его брошюр, вышедших в 30-е годы, представляют из себя обработанные речи. Да и "Путь духовного обновления" писался на основе многочисленных речей, прочитанных по-немецки; и, кстати, — по заказу ряда немецких общественных организаций, а не только в силу сложных философских исканий, как видится это И.И.Евлампиёву. Библиография газетных и журнальных статей также не свидетельствует о снижении активности. Другое дело,

что Ильина с каждым годом ограничивали нацистские власти, так что в 1938 году, опасаясь ареста, ему пришлось перебраться в Цюрих. Там же его политическая активность была стеснена соответствующими швейцарскими законами об иммигрантах. Я развернул подробную аргументацию, но кратко о сомнительности выделения "второго этапа (1918-1930)" сказал уже второй докладчик — профессор РГПУ А.А.Корольков. В своем докладе "Духовная социология Ивана Ильина" он также подчеркнул, что такие известные советские философы, как Ильенков и Мамардашвили, безусловно читали книгу Ильина о Гегеле и испытали ее благотворное влияние. Иногда можно найти буквальные совпадения. Велико значение социологических идей Ильина, показывающих особый путь России. Скажем, право в России должно быть опосредовано моралью. У нас не работает формальный закон, который легко обойти, если он не пройдет сквозь чувства. Можно осуждать русский народ за это, но он таков, и Ильин пишет об этом, — мыслитель, взявший на себя тяжкую ношу ответственности за Россию, боль которой он нес в себе до самой смерти. Остается только пожалеть, что докладчик не дал характеристики метода духовной очевидности, который играл большую роль в политологии Ильина и был связан с глубокой проницательностью в предмет исследования (Ильин не раз писал, что философ должен быть "одержим предметом").

Доклад доцента факультета социологии СПбУ В.В.Козловского трактует мысль Ильина как нормативную онтологию, т.е. описание сущего, тесно привязанное к моральным суждениям. Редкая статья или книга у него строится без известной ему системы нравственных и социальных координат. Непременность православно-нравственной оценки и санкция должного в исследовании любого предмета несомненно налагает печать чеканного видения зла и добра, плохого и хорошего, ангельского и сатанинского. Поражает у Ильина непримиримая ортодоксальность в видении сущего, прямота и однозначность, игнорирование возможных противоположных ходов мысли и их резко отрицательная характеристика как ложных. Нормативный проект Ивана Ильина при всех его достоинствах предлагает нам вариант возвращения традиции, а не преобразования. Он является блестящим продолжателем классической линии славянофилов и Константина Леонтьева, но предлагает нам опять-таки вариант консервативной утопии, самый

ФИЛОСОФСКИЙ КЛУБ

Иван ИЛЬИН

главный грех которой — в доктринерском указании человеку путей его жизни и, таким образом, в отчуждении его от возможности выбора, от самоустраения настоящего и будущего согласно непреложной непредуканной воле.

Последний тезис В.В.Козловского побудил меня уточнить, что доктрина, о которой идет здесь речь — Православие; и не надо ее путать с политическими доктринами (программами), которые Ильин критиковал за их уозсть и непонимание особенностей России. Моя реплика вызвала одобрение у представителей общества

русской православной мысли им.Ильина, которых было немало на семинаре. Каково же было их удивление впоследствии, когда я энергично воспротивился попыткам причислить Ильина к крайне-правому лагерю. В свое время Ильин отмежевывался от крайне-правых ("партийных монархистов", по его определению), а те, в свою очередь, обвиняли его в масонстве.

Дальнейшее течение семинара прошло под знаком полемики "ильинистов", не оставивших попыток монополизировать идейное наследие Ильина,

и вузовских ученых, указывавших на неоднозначность этого наследия. Из четырех докладов, которыми было представлено общество им.Ильина, только один — председателя общества Н.К.Симакова "И.А.Ильин о путях национального и государственного возрождения России" — был связан с интерпретацией идеи самого мыслителя. Другие три сводились к теологической или политической риторике; но осталось непонятным — как все же понимал Ильин русскость (доклад В.В.Антонова), в чем состоит его метафизика (доклад Б.Г.Адрианова) и как он рассматривал легитимность российской государственности (доклад Ю.Ф.Антонова). Складывалось впечатление, что не все "ильинисты" хорошо ориентируются в философии и политологии своего кумира. Иначе как объяснить реплику одного из них, что "надо быть илиотом или социологом", чтобы не понимать, насколько точно Ильин предугадал будущее развитие России — расчленение, хаос, сепаратистское движение, гражданскую войну и т.д. Будучи социологом, то есть прежде всего оставаясь на почве фактов, я был должен заметить, что несмотря на достоверный в целом диагноз (скажем, в статье "Очертания будущей России"), Ильин не предвидел (и не мог предвидеть — он умер в 1954 г.) двух важных процессов. Первый — тотальное уничтожение русских, и как следствие, нравственная деградация советских людей и их социальное приспособление к строю, утратившему после 1956 значительную долю злобности по отношению к своему народу. Второй — вызревания после Победы 1945 в недрах коммунистического аппарата "национально-ориентированных (точнее — национал-большевистских) сил. Поэтому, когда мы читаем у Ильина, что после падения большевизма народ бросится резать ненавистных коммунистов и палачей, русское крестьянство будет "отыскивать" отнятую у него землю и т.д., необходимо при-

знать неточность этих прогнозов. В своем докладе "Политическое завещание Ивана Ильина" я пытался сосредоточиться не на конкретных предложениях мыслителя (то, что было верно для начала 50-х, когда восстаниями начал взрывать ГУЛАГ, когда русское крестьянство еще не было истреблено и т.д.), а на общих идеях ("аксиомах политического действия") Ильина относительно посткоммунистической России. Среди них: невозможность после падения коммунизма установить демократию, опасность насаждения в России федерации сверху, предполагаемое (и сейчас осуществившееся!) западническое доктринерство политических интеллигентских партий, необходимость покаяния и очищения народа. Верным остается и основной завет Ильина — установить на переходный период авторитарное правление, способное преодолеть хаос, покончить с уголовной нечистью, направить Россию по пути оздоровления. Но это не значит — возводить монархию на крови иначе мыслящих русских патриотов.

Мои замечания "контратака ученых" не завершилась. Преподаватель философского факультета СПбУ И.А.Савкин, рассказывавший о взаимоотношениях Ильина и евразийцев, заметил, что не надо делать из Ивана Александровича позолоченную икону. Он был подчас резок и несправедлив в полемическом задоре, например, однажды охарактеризовал стиль замечательного русского религиозного мыслителя Л.П.Карсавина как ленинский. Ст.преподаватель СанГМИ А.И.Тимофеев, рассматривая знаменитое учение Ильина о сопротивлении злу силой, указал на явные, по его мнению, натяжки у Ильина, когда тот обращается к Библии с целью обоснования своих наиболее радикальных мыслей. Этот тезис вызвал справедливое, в общем-то, возражение Н.К.Симакова, что нельзя толковать Библию вне святоотечес-

кого предания. Кроме того, иерархи зарубежной Церкви признали это учение издавна сохранившимся в духе Православия, и только Ильиным выговоренным вслух. Следует в таком сложном вопросе прислушиваться все же к их учительному авторитету, а не к интеллигентским толкованиям христианства.

На важные разработки у Ильина относительно правового характера будущей российской государственности указал аспирант философского факультета СПбУ В.А.Ковалев. Новый русский отбор должен строить Россию не произволом, а правом. Россия должна сочетать мощную государственную власть и широкое самоуправление снизу. Концепция Ильина предусматривает и защиту прав личности, но в ней нет апологетики эгоистического индивидуализма; возможно некоторое ограничение и самоограничение прав в силу, например, патриотических побуждений.

Итак, куда "заряжать" Ильина? Конечно, Ильин, особенно поздний Ильин, принадлежит русской консервативной мысли, как показал это в своем докладе аспирант исторического факультета СПбУ А.Д.Степанов. Да, он старался оправославить свою философию и составить проект восстановления Святой Руси, православной народной монархии, как правильно указал Н.К.Симаков. Но не менее ценны его принципиальная политическая — независимая, вне- и надпартийная — позиция и интеллектуальное мужество мыслителя, умевшего ставить вопрос о болезнях народного духа и опасностях русского национализма. Давайте не будем волочить Ильина за собой на баррикады. А еще лучше — и сами на них не пойдем. Весь наш трагический опыт XX столетия говорит о том, как дороги мирные выходы из противостояния. И о том, что страну должно вести не насилие, а правда...

Захворавшее чудовище

Размышления о естественном и неестественном прогрессе

Про каждого нового политического деятеля прежде всего спрашивают: а у него есть программа? Программа действительно дело хорошее, но... Приглядевшись, мы на каждом шагу увидим, как нагляднейшие целенаправленные достижения обесцениваются какими-то скрытыми, незримыми факторами. На строительстве, где работают американцы и мексиканцы, удваивают расценки, чтобы ускорить работу, — но действует это только на американцев, а мексиканцы начинают ходить на работу через день: трезвейший замысел разбивается о незримый уровень их скромных притязаний. Страна с энтузиазмом проводит индустриализацию — и десятки лет не может расклебать последствия разрушения сельского хозяйства, привычного уклада и т.п. Народ воздвигает могущественное государство, которого побаивается вся Европа, — и вот какие жутковатые особенности российского прогресса отмечает Ключевский: "1) До половины XIX в. внешнее территориальное расширение государства идет в обратном пропорциональном отношении к развитию внутренней свободы народа; 2) политическое положение трудящихся классов устанавливается в обратно пропорциональном отношении к экономической производительности их труда".

Когда патологичность подобных диспропорций становится очевидной, мы часто начинаем говорить о неорганичном, неестественном развитии. Но что можно назвать "естественным" в общественной жизни, в которой все искусственно, то есть создано человеческими усилиями? Ключевский считал, что европейские народы всегда выделяли для государства "заранее заготовленный избыток своего труда и мысли", а у нас "государственная нужда не терпела отсрочки", государство "выдавливало" из народа то, что ему

было нужно, "напрягая не в меру и истощая народные средства".

Не в меру... Есть, стало быть, такая цена прогресса, за которой он начинает приводить к патологическим явлениям? Не в этом ли различие между естественным и неестественным: первое возникает из избытка, второе же "выдавливается" как результат чрезмерного напряжения. То есть, образно говоря, естественный прогресс — это парадный мундир, сшитый из давно отложенного отреза, а неестественный — мундир, для которого пришлось спорить диванную обивку.

Вот только как понимать слово "избыток" — ведь людям их имущество никогда не кажется избыточным. Может быть, естественным, органическим следует считать такое развитие, которое возникает из добровольных человеческих усилий, когда люди занимаются тем, что сами хотят и умеют делать? Конечно, люди и по доброй воле творят массу глупостей и жестокостей — то есть и органическое развитие может приводить к уродствам. Но развитие принудительное приводит к ним всегда.

Самое мудрое управление и заключается не в управлении поступками, а в управлении желаниями. Так или иначе, для естественного развития, вероятно, существуют оптимальные пропорции не только между группой А и группой Б, между уровнем потребления и накопления и тому подобным, но также и между уровнем технологии, организации производства и сбыта с одной стороны и, с другой стороны, уровнем привычек (в том числе и дурных), уровнем вкусов и мнений (в том числе и глупых), уровнем представлений о бедности и богатстве, о достойном и недостойном, уровне добросовестности, настойчивости, жадности, озабоченности будущим, готовности

рисковать и проигрывать и тысячами других незримых мелочей, пренебрежение каждой из которых приводит к уродствам. Если это верно, если основой гармоничного развития может служить лишь то, что люди уже сегодня хотят, умеют и понимают, то не исключено, что для нас органичной является не та ступень общественного и технологического развития, на которую мы претендуем. Возможно, от стратегии "догнать" нам следует перейти к стратегии "лучше притстать, чем напрягаться сверх меры и усердствовать сверх понимания".

Может быть, возврат на более низкую ступень как международных, так и технологических амбиций является "естественным" для нас, может быть, только отсюда и может начаться наш естественный рост, уже не приводящий к такому обилию патологических явлений. Я не знаю, какой должна быть эта ступень, но если справедливо то, что естественное развитие может возникать лишь из "избытка", тогда неорганичными для нас в принципе могут оказаться не только самые священные государственно-патриотические, но и либерально-прогрессивные вещи: не только страх, который мы внушаем соседям своим вооружением и размерами, не только сами эти размеры, но и свободный рынок с компьютеризацией — даже для столь дорогих каждому прогрессивному сердцу предметов может не оказаться нужного избытка понимания, усердия и терпения, а в достатке их окажется лишь для повального централизованного производства потребительских товаров невысокого качества, однообразных, простых в изготовлении (но из-за дешевизны в какой-то части годных и для экспорта) — не исключено, что лишь после такого кулузовского отступления может начаться непатологичес-

кий прогресс.

Размышляя о нашем промышленном прогрессе, я набрал на такую притчу. Человек обрабатывает поле мотыгой — обрабатывает немного, но весь урожай принадлежит ему. Прикопив денег, он покупает быка и начинает обрабатывать в двадцать раз больше, — однако девять десятых урожая съедает сам бык. Впрочем, и оставшаяся десятая часть выросла вдвое. Вдохновившись, человек снова поднатуживается и покупает бронтозавра. Урожай увеличивается еще в двадцать раз, но бронтозавр поглощает уже девяносто девять его процентов. Впрочем, и оставшаяся сотая часть... Но тут с бронтозавром случается расстройство желудка. А при его размерах малейший сдвиг в его аппетитах или тягловой силе немедленно сводит на нет ту ничтожную часть, которая причиталась человеку. И вот захворавший япер пожирает и загаживает все окрестности, а измученный, изголодавшийся хозяин сдирает последнюю солому с крыши, чтобы подбросить в пасть чудовищу, вместо того, чтобы забыть его на мясо или сбить с рук за бесенок и вернуться к быку — отдохнуть и снова собраться с силами. Но как можно — ведь уже целых двое соседей вполне успешно пахут на бронтозавра! Да и деньги сколько в него вбухано... Лучше уж заткнуть ремень еще на одно отверстие и поискать для чудовища какую-нибудь новую приправку. Тем более, что оно и не позволит собою пренебречь.

По крайней мере, премьер обещал не дать в обиду нашу тяжелую (уж такую тяжелую!) промышленность...

Александр МЕЛИХОВ

ТРЕТЬЕЙ НАГРАДЫ НЕ БУДЕТ...

Теперь, 51 год спустя, наверное, уже можно назвать его фамилию, а точнее — фамилии. Хотя ни одна из них, собственно, не являлась таковой. Подлинную фамилию, может быть, удалось установить в Управлении контрразведки фронта. Но об этом я уже не узнал.

Высокий, стройный, брюнет, но смягченного тона; на вид — лет 27-28; его правильная русская речь, внимательные взгляды, неторопливо-спокойные, скупые жесты, непринужденная спортивная собранность при пристальном наблюдении выдавали не только волю и хладнокровие, но и натренированную систему поведения, которую он освоил за многолетнее обучение в высшей разведшколе абвера. Сравнительно быстро установили, что в воинской части, указанной в его документах, никогда не было военнослужащего с данными задержанного. По второй "легенде" он назвался Зориным Евгением. Однако после многократных допросов опытными контрразведчиками Особого отдела дивизии (позднее — "Смерш") арестованный "признался", что "на самом деле" он швейцарский подданный по фамилии Иенни.

Но самый любопытный разговор следователя с ним (значительную часть которого я как начальник караула невольно слышал) протекал примерно так:

— Я вас долго не беспокоил. Надеюсь, больше не будете утверждать, что никогда не проходили специальной разведывательной подготовки?

— Но это — так! Когда я, под принуждением, дал согласие выполнить одно небольшое задание немецкого командования, инструктор лишь показал мне, как надо обращаться с парашютом... И еще было указано, где и когда переходить линию фронта, возвращаясь обратно.

— Это мы уже слышали от вас.

— А что я мог поделаться, если они, в случае моего отказа, угрожали расстрелять не только меня, но и маму?! Она теперь у них как заложница...

Мне показалось, что на этом месте разговор зашел в тупик, ибо наступила пауза. На всякий случай я чуть-чуть приоткрыл дверь в комнату, где шел допрос (все-таки они находились один на один, а следователь был худощав и почти на голову ниже своего собеседника; я понимал в то же время, что любые случайности здесь тщательно предусмотрены, а потому — исключаются), и увидел, что следовательские глаза с подчеркнутым ироничным любопытством в упор рассматривают допрашиваемого, а тот даже немного словно бы ссутулился. Затем следователь не спеша достал из ящика стола, за которым сидел, какой-то лист бумаги и, скользнув по нему взглядом, положил перед собой. И неожиданно спросил:

— А вы лично не знакомы с генералом...? — он произнес какую-то немецкую фамилию. "Старший сержант" (впрочем, он был уже без знаков различия) чуть заметно вздрогнул и импульсивно слегка вскинул голову, но тут же, словно спохватившись, опустил ее ниже прежнего — выдержка явно стала ему изменять. Надо полагать, что вынужденный прибегнуть к "запасным легендам", отступив от первоначальной, он понимал, что коготок уже увяз... Дело принимало весьма любопытный оборот, тем более, что и до нашего спецкараула дошли слухи из следственного отдела, что к этому лазутчику долго не удавалось подобрать ключи. Позднее я узнал, что из наших вышестоящих органов контрразведки были срочно доставлены какие-то сведения, полученные от других, ранее задержанных шпионов, а также результаты проверки, которую сложным путем, но удалось провести по адресу его, якобы, постоянного проживания с матерью на ныне оккупированной нашей территории. Они-то и заставили заговорить непрошенного гостя.

— Нет, не знаком, — бесцветным голосом ответил он. И чуть оживленнее добавил:

— Как я мог быть знаком с немецкими генералами, если жил с мамой в Житомирской области?!

— Вы опять за старое! — жестко, немного повысив голос, отрезал следователь. — Никакой вашей мамы там нет и не было. И прекрасно понимаете, что означает то, что фамилия этого генерала в наших руках и почему ее преподносят именно вам! Может быть, вы ничего не слышали и о...?

Следователь снова назвал немецкую фамилию, на сей раз с добавлением прусско-юнкерской приставки "фон".

— Нехорошо забывать начальника учебной части школы, где вы провели столько лет и считались способным курсантом! — с явно наигранным упреком завершил следователь. Допрашиваемый подавленно молчал, чувствовалось, что события последних минут явились для него полной неожиданностью.

— Может быть, пора говорить правду, ведь это же и в ваших интересах? — наступал следователь.

— Дайте подумать... — неузнаваемым голосом, после паузы, словно через силу, последовал ответ.

— Хорошо, — охотно согласился контрразведчик, — через полчаса вы снова будете здесь и, надеюсь, начнется настоящий разговор. Вы поняли меня?!

— Да...

...На следующий день в открытой "полуторке", в кузове которой лежала большая охапка соломы, он был отправлен за 150 километров в поселок Быково за Волгой, где тогда располагалась контрразведка нашего фронта. Запомнилась деталь: со связанными руками. Еще говорили, что им заинтересовались и более высокие разведывательные инстанции.

Я смотрел на него и вспоминал, как он неоднократно пытался во время коротких контактов рассказывать мне, согласно, конечно, очередной "легенде", о своей довоенной жизни где-то в Житомирской области, с матерью — немкой, потомком переселенцев из Германии еще екатерининской поры, и русским отцом, рано умершим от какой-то болезни. Мое врожденное любопытство и стремление во всем убедиться самому (и желательнее из первых рук) нередко приводило к некоторому нарушению жестких инструкций и наставлений (которыми, между прочим, — в плане детализации — нас не всегда успевали вооружить в те горячие и стремительные времена, невольно вынуждая на "творческую самостоятельность", тем более, что в период острой нехватки кадров и тяжелого положения на фронтах наш импровизированный временный караул был наспех сформирован из младших авиационных специалистов различного профиля, до сих пор не имевших ни малейшего представления о специфике работы фронтовой контрразведки). Например, по его просьбе я иногда разрешал ему после возвращения с допроса задержаться "на улице" (территория была относительно закрытой) — покурить и даже полежать на лужайке у караульного помещения; разумеется, — служба есть служба — чуть ли не буквально на мушке часового (за побег подобной персоны штрафным батальоном не отделался бы!). Кстати, мы были предупреждены, что "таких" — мастера владеющих специфическими приемами самообороны и нападения — часовые должны сопровождать (безусловно, с заряженным оружием, а именно — с патроном в стволе и взведенным курком) не ближе, чем на четыре шага; если ближе, то "в случае чего" боец может не успеть даже нажать на спусковой крючок...

Однажды, спросив, какое у меня образование, он, имитируя задушевный тон и искренность, заявил: "Вот и я, как и Вы, незадолго до войны окончил десятый

класс, тоже мечтал поступить в институт, и меня тоже дома ждет мама..." И еще что-то о произволе немецких оккупантов, от которого так жестоко пострадала и их маленькая семья. Понятно, что в безвыходном положении он пытался использовать малейшие, даже иллюзорные возможности для спасения: это, может быть, дойдет до следователей как еще одно свидетельство его искренности. Однако я заметил, что, находясь вне помещения, он скрытно, но внимательно изучал окружающую местность. Ни на секунду нельзя было расслабиться и забыть, что в этой ситуации им безраздельно владела "одна, но пламенная страсть" — свобода!

...Теперь же, перед посадкой в машину, "Зорин-Иенни-и т.д." почему-то упорно отводил свой взгляд от моего. И — сквозь плотный заслон недоверия — меня поразила догадка (уверен, так и было на самом деле): профессионального немецкого разведчика к этому вынуждает нечто вроде... совести! (Лгал же "задушевым" тоном! А моя "непроницаемая" реакция на его рассказы, видимо, дала ему повод полагать: "Верит...").

Разумеется, слушая его, я никогда не забывал, что все эти "откровения" — только элементы вымышленной биографии шпиона. Интересно же меня другое (и я, конечно, воспользовался представившимся случаем): возможно ли по мельчайшим признакам, по каким-то малозначительным деталям, оттенкам распознавать эту категорию людей? Признаюсь, что разговаривая с ним, как с нашим военнослужащим, я бы ничего не заподозрил: поведение выглядело бы вполне обыкновенным, типичным.

Началось же все с того, что однажды на рассвете в штаб (это было в одной из станиц на р.Медведице, притоке Дона) торопливо пришли несколько местных женщин и взволнованно сообщили: только что над ближайшим лесным массивом они заметили приземляющегося парашютиста. Через считанные минуты бойцы, поднятые по тревоге, прочесывали указанный участок леса. Но многочасовой поиск ничего не дал. Правда, парашют был найден и точно опознан как немецкий. Доложили о неудаче; в ближайшие воинские части (и гражданским властям) направили предупреждения.

И вот во второй половине того же дня он был доставлен в наш Особый отдел.

Своеобразным было и его задержание. В обеденную пору через расположение артиллерийской части, километрах в двадцати от нас, проходил старший сержант с пехотными знаками различия. Проверили его документы, оказалось все в порядке: командированный, старший писарь штаба; наган, который был у него в кобуре, указан в документе и полагается по должности. Артиллеристы пообедали на открытом воздухе, за околпией села. Пригласили и захожего гостя, который оказался компанейским человеком: удачно шутил, рассказал несколько анекдотов, соответствующих духу времени. Даже успел вызвать симпатию. По стихийному этикету той поры о службе и воинской части почти не расспрашивали: начальство проверило документ — значит, порядок.

Но что-то смутно беспокоило замполита дивизиона, человека уже немолодого, успешного повоювавшего еще на гражданской войне. То ли его настораживала неброско, но аккуртнее, чем обычно у большинства, подогнанная форма; то ли некоторые детали поведения и общения — вроде бы и свободного, но в то же время неумовимо собранного, контролируемого. Однако попасть вприсак напрасным задержанием не хотелось.

Прислушиваясь к разговору, еще и еще раз разглядывая с ног до головы ладную фигуру "гостя", политрук не мог избавиться от интуитивного чувства тревоги и, в то же время, не мог обнаружить никакой зацепки. Вдруг его глаза невольно задержались на противогазе старшего сержанта. И сразу

стало ясно, что же, наконец-то, приковало взгляд. Обычно противогазная сумка не имела четких прямоугольных очертаний: тот верхний угол, где помещалась резино-вая маска, даже если бойцы засовывали туда полотенце, мыльницу и другой нехитрый солдатский скарб (обычное явление), все равно был немного вмятым. Здесь же сумка выглядела равномерно прямоугольной, не просматривалась и сама противогазная коробка. Колебания политрука кончились. Он незаметно отозвал троих младших командиров с карабинами и приказал им окружить визитера. Понимая, что он может оказаться весьма опасным, предупредил: оружие зарядить, вплотную не приближаться, глаз не спускать, при попытке бегства (рядом был кустарник) или применения оружия — стрелять по ногам.

— Старший сержант, а ну-ка, покажите еще раз свои документы! — внезапно потребовал политрук.

Тот пристально посмотрел на политрука, напряженно пытаясь понять, чем ему угрожает новый поворот событий, и, с небольшой паузой, улыбаясь, видимо, рассчитывая на спасительное сочувствие окружающих, стараясь все обратить в шутку, сказал, обращаясь к бойцам:

— А старший-то политрук у вас, ребята, сверхбдительный! Мало ему одной проверки?

Расчет в какой-то мере оправдался и, как это нередко бывает в подобных ситуациях, нашлись защитники — раздались голоса:

— Да что Вы, товарищ старший политрук, видно же — свой человек!

— Ну а если свой, так ничего плохого ему от проверки и не будет. Выполняйте приказ!

До артиллеристов дошло, что их замполит зря не придерется. В этот миг почти все заметили, как у "рубашки-парня" улыбка моментально сошла с лица и он без резких движений, но мгновенно, осмотрелся вокруг и понял, что попался: три карабина с разных сторон направлены прямо на него. Пришлось снова доставать свои бумаги. Политрук, даже не взглянув на них, сунул документы себе в карман и кивнул рядом стоящему солдату: "Наган!"

Задержанный воспринял эту команду своей счет, но едва он коснулся пальца кобуры, раздался окрик: "Руки!" Одновременно замполит резко качнул ствол своего пистолета вверх. Ладони взметнулись над головой, и солдат вынул наган из кобуры.

— А теперь дай сюда противогаз!

В глазах "старшего сержанта" на мгновение вспыхнула не то ненависть, не то звериная затравленность, и он еще раз молниеносно метнул взгляд по сторонам. Затем медленно, словно через силу, снял через голову лямку противогазной сумки. И снова бойцу рядом:

— Проверь — что там?

Тот раскинул на земле плащ-палатку и вытряхнул на нее содержимое сумки. Противогаза в ней не оказалось: посыпались какие-то кубики, брикеты, плитки шоколада и еще чего-то, несколько баночек — все в неброской упаковке, без каких-либо надписей и небольших размеров. Кубики сахара были значительно тяжелее обычного "рафинада"; мясные — тоже необычно тяжелые. Видимо, все это прессовалось под большим давлением. Врач сказал, что с таким запасом можно свободно продержаться дней десять, добывая только воду.

— Тяжелая сумка, — добавил боец, осматривавший ее.

...Вскоре после отправки немецкого разведчика в штаб фронта мы узнали от сотрудников Особого отдела, что он уже имел два "Железных креста" — высокие награды в фашистской Германии — за высадку в прифронтовые тылы наших войск в Донбассе и в Крыму.

Третье награждение не состоялось.

К.А.КРАСНУХИН

ЗАГАДКИ ПРИРОДЫ

В.Б.САПУНОВ, доктор биологических наук

Тайны Вологодской земли

Снежный человек-93. Итоги летнего сезона

Ситуация, сложившаяся в СНГ к лету сего года, была не самой благоприятной для изучения снежного человека. Большинство ученых озабочено не разгадыванием загадок природы, а проблемой личного выживания. Но все-таки, как наука в целом, так и криптобиология — область изучения редких биологических объектов и явлений — продолжают существовать. Тактика, принятая многими учеными несколько лет назад: "переждать до лучших времен, а потом активно включиться в работу", себя не оправдала. Теперь уже ясно, что лучших времен не наступит никогда, а работать и жить надо. Поэтому и мы не прекращали наших трудов по поиску снежного человека. Основные усилия были сосредоточены на северо-западе России — в Ленинградской и Вологодской областях, в Карелии.

В основном шло количественное накопление материала. Вот одно из сообщений, которое предшествовало началу летнего

сезона. Свидетель — Людмила Павловна, инженер на пенсии, жительница Санкт-Петербурга. Она столкнулась со снежным человеком близ поселка Кондаколя, возле озера Шепелевское. Встреча произошла в 10 часов дня, в лесу. Мимо нее прошел, жмурясь от солнца, двухметровый человек, весь покрытый бежевыми волосами. Вскоре он исчез в лесу, оставив после себя глубокие следы на грунте. Страха женщина не испытала, скорее сожаление по поводу того, что не было у нее в руках фотоаппарата.

Комментировать это сообщение трудно. У меня записано еще несколько свидетельств — разной степени достоверности — из того же района. Удивительно, что этих существ там наблюдают, хотя таких больших массивов, как на северном берегу, здесь нет. Где им прятаться? Так или иначе, сообщение требует проверки и перепроверки.

В окрестностях Санкт-Петербурга живет удивительная женщина, условно именуемая Марина Михайловна Молосухлова. Будучи, по ее собственному определению, "космическим проводником кодовых импульсов", она длительное время сообщала информацию неожиданную, подчас сенсационную. Серьезная проверка феномена началась с зимы, после того, как она сообщила, что попала мысленным взором в библиотеку Ивана Грозного в московском Кремле. Материал был отдан на экспертизу ведущему специалисту по этой эпохе, профессору Эрмитажа Борису Викторовичу Сапунову, который, к собственному удивлению, обнаружил в сообщении абсолютно достоверные элементы, которых информатор просто не могла знать. Хотя они чередовались с элементами ошибочными, но наличие нескольких абсолютно точных попаданий заставило заниматься феноменом серьезно.

Мысленным взором Марина Михайловна проникла сквозь глубь веков и вынесла убеждение, что прежде ее душа обитала в телах людей, живших в Тотемском районе вологодчины. Не бывав (по крайней мере своим телом) в этих местах раньше, она стала сообщать информацию о загадках этой малоизвестной части России. Оставив все сообщения о странности

души на совести информатора, мы взяли два пласта сообщаемых ею сведений, которые могли быть как-то проверены. Первый касался судьбы пропавшей библиотеки Ивана Васильевича Рюриковича (Ивана Грозного), которая, по мнению Молосухловой, находится в тайниках на территории одного из монастырей города Тотмы Вологодской области. Второй пласт касался семьи снежных людей, которые якобы мигрируют по лесам Тотемского района близ реки Пельшмы. Марина Михайловна с исключительной доскональностью указывала на карте путь их движения, описывая при этом обстановку и природу тех мест, где никогда не была. В результате мы имели вполне конкретный материал, доступный для проверки полевой экспедицией. В отличие от большинства так называемых экстрасенсов, Молосухлова не боялась проверки своих данных, давала их в предельно четком виде. Таким образом, экспедиция имела три задачи. Первая — проверка дара Марины Михайловны, вторая — поиск пропавшей библиотеки, третья — поиск снежного человека.

Экспедицию удалось организовать с помощью фонда Александра Ильина, газеты "Аномалия", при научном обеспечении Петровской Академии Наук и Искусств.

Работа велась с размахом. В

Тотме собрались так называемые экстрасенсы из Петербурга, Москвы, Сыктывкара. Смотреть на этот шабаш было забавно. Старший экстрасенс собирал младших коллег и задавал такие вопросы:

— Какого цвета биополе, вытекающее из моей левой руки?

— Красного, — отвечивал один экстрасенс.

— Зеленого, — возражал другой.

Кто-то из них, как выяснилось, был прав, кто-то ошибался. Я же, как ни протирал глаза, никакого биополя не видел.

— Вижу, — говорил один из экстрасенсов, — вижу астральным зрением идущий из Земли энергетический столб.

Я, не будучи экстрасенсом, ничего не видел. А кто-то из них умудрялся видеть астральным зрением облик некогда разрушенной церкви. Уже по возвращении я не поленился поднять архивы и убедиться, что в этом месте никогда никакой церкви не было.

Можно было, конечно, над этим смеяться, однако, спектакль, который мы наблюдали, был ничуть не более идиотским, чем многие заседания ученых советов или парламентские дебаты. Дискуссии экстрасенсов развлекали всех участников и зрителей и никому не несли вреда. А крупницы истины могли вы-

явиться даже среди такой чуши. И ведь выявлялись!

В первой, археографической части экспедиции, мы занимались поисками пропавшей библиотеки Ивана Грозного. На основе исторических данных Борис Викторович Сапунов указал единственное возможное для ее пребывания место — подземелье Спасо-Суморина монастыря. Дело в том, что грозный царь в свое время имел планы перевести столицу из Москвы на север, и Тотма могла быть одним из кандидатов в первопрестольный град.

Не будучи специалистом в области истории, я работал в этой части экспедиции как простой биооператор. С рамочками и маятниками я обошел всю территорию монастыря, пока не обнаружил систему подземных ходов и полостей. Данные, которые независимо от нас получили экстрасенсы, полностью совпали с моими. На основании этих данных были подготовлены документы для археологов из Вологды на проведение раскопок. На этом археографическая часть экспедиции кончилась, и нам осталось только ждать итогов раскопок (если они вообще когда-нибудь будут произведены). На этом большая часть участников экспедиции разъехались и началась моя профессиональная биологическая работа.

Готовясь к походу, я внимательно проанализировал информацию о встречах со снежным человеком на Вологодчине и ближайших к ней областях. Несмотря на то, что информатор ранее специально не интересовалась этими вопросами, ни одного невозможного элемента она не сообщила. Внешний облик, поведение, экологические особенности семьи диких людей, сообщенные ею, соответствовали тому, что известно науке об этом еще во многом непонятном объекте. Нашел я достоверные сведения о существовании нескольких особей в восточной Карелии и на юге Архангельской области, т.е. местах, примыкающих к Вологодчине. Так что полученная от "космических сил" информация выглядела как возможная. Однако, возможность еще не означает действительность. Для проверки нужно было пройти весь указанный на карте маршрут. На маршрут мы вышли вдвоем с Володей Ивановым — опытным исследователем, много лет посвятившим поискам снежного человека. Перед выходом из Тотмы мы получили от Марины Михайловны дополнительную информацию. Она сказала, что контакт с искомым объектом произойдет в 24 часа в ночь с пятницы на субботу (в данном случае — с 28 на 29 мая), сообщила, что снежный человек настроен к нам доброжелательно. Я поинтересовался, где следует находиться в эту ночь. Ответ был: где угодно. То, что предначертано, произойдет, несмотря ни на что.

Прежде чем выйти в тайгу, мы познакомимся с еще одной необычной женщиной. В Тотме живет Мария Михайловна Плотнокова (баба Маня). Двадцать лет назад под влиянием сильного стресса в ее организме произошли необычные изменения. Она потеряла способность спать и приобрела необычные возможности: лечить людей путем внушения, предсказывать погоду и события. Как и большинство ясновидящих, иногда она ошибается, но часто и попадает в точку. Точность ее прогнозов погоды не ниже, чем у метеослужбы. В апреле она постоянно повторяла, что первого мая в Москве состоится бессмысленное побоище. Мы пришли к бабе Мане в гости, рассказали о цели экспедиции. Она изрекла: люди вы хорошие, леший вам вреда не сделает, но и не покажется. Выслушав не совсем обнадеживающее напутствие, мы направились на маршрут. Первый день провели в поселке лесорубов — Камчуге, что на берегу реки Сухоны. Поговорив с местными жителями, записали два интересных сообщения. Впервые, над Сухоней, оказывается, регулярно наблюдают НЛО, летящие на восток. Пролеты осуществляются со строгой регулярностью — в ночь с пятницы на субботу (разумеется, не каждый раз) ровно в 24 часа, плюс-минус одна минута. Не будучи уфологами, мы не стали вникать в сюжет более подробно, но нас озадачило совпадение времени пролета НЛО со временем контакта, предсказанного Мариной Михайловной. Во-вторых, мы узнали, что один из жителей села Нюковичи, 70 км на восток от Пельшмы, видел вышедшее из леса огромное волосатое существо, похожее на снежного человека. Правда, этот житель в момент встречи был пьян...

Продолжение следует.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Коллоритно

Автограф абитуриента-93.

Маяковский косвенно пропитывает чувством труда каждое слово.

И если бы у меня был выбор: где жить — в обществе Фамусова или в пещере, то я наверняка пошла бы в пещеру.

Есть еще люди в нашем обществе, забывшиеся в щели социализма.

Капиталисты в романе "Мать" чем-то похожи на старуху Изергиль: живут среди людей, но для себя.

Человеческие проявления больше показаны на их поступках.

Устами Давыдова в гремачем логу говорит сама партия.

Почему нам и сегодня снится четвертый сон Веры Павловны?

Павка работал в привокзальном кафе.

Ночь перед балом она проводила в комнате с окнами, выходящими во двор, конюшню и забор.

Сквозник-Духмановский.

Под Аустерлицой.

Роман "Мать" занесен в мировую сокровищницу русской литературы.

Храбрый в рубке и дуэлях, он вто же время отталкивает симпатии читателей своей беспринципной и циничной жестокостью по отношению к приникшим к нему всей душой и телом обманутых женщин.

Красной строкой проходящей через всю книгу.

Отдуловатое.

Горький — это символ всех пролетарских женщин.

Толстой учил нас как быть женщиной. Подчти.

Пик-ник.

Тихон Щербатый — типичное воплощение дубины народной войны.

Поджечь Шенграбенскую деревушку.

Летом 1812 года Наполеоновская армия перешла через Ла-Манш и напала на Россию.

Таков Алексей Максимович Горький, много пыльных русских дорог исходивший босиком со своими товарищами из народа.

Павел и Павел похожи между собой очень сильно.

Все дурное, что Наташа когда-либо делала, происходило вследствие того, что разум в ней брал над чувствами.

Образ ее просто необходим.

Его несгибаемый железный характер.

Саша отодвинула личное счастье на второй план, а на первый выдвинула правду и честность.

Два сна повествуют об избииении людей, сначала — кобылы, потом — хозяйки.

Встреча с Наташей, а потом с дубом помогли осмыслить ему собственные искания.

Коллоритно.

Она (Элен) ею (улыбкой) улыбалась всем.

Опостол.

Старый мир, который в образе голодного пса идет за двенадцатью.

Писатель пытается найти вместе с героем путь к очищению Родиона.

Буржуазный мир получил клеймо паршивого пса.

Каждый из них по-своему похож на другого. Орава крючковдорцев.

Слушайте, товарищи потомки, агитатора, горлопана — главаря.

В поэме даже от мертвых душ веет свежестью.

Наши русские пьяные, но зато счастливые мужики.

Не даром губернское общество сравнивается с мухами.

Впечатления.

Безграмотные люди.

В нем не будет проповедываться мораль коллектива, который унижает человеческое достоинство.

М. Горький — последний русский писатель и первый советский.

В первые же минуты действия пьесы мы оказываемся в подвале, где скопились отбросы общества.

Тысячи Груш, молодых и умных, разойдутся по Руси.

Помочь вырваться из лап наркотиков.

Хам — это раб на царстве.

Хотя Павел и не рассказывал своей маме о том, что он делает, она поняла, что он борется за справедливость.

Многовечный сон.

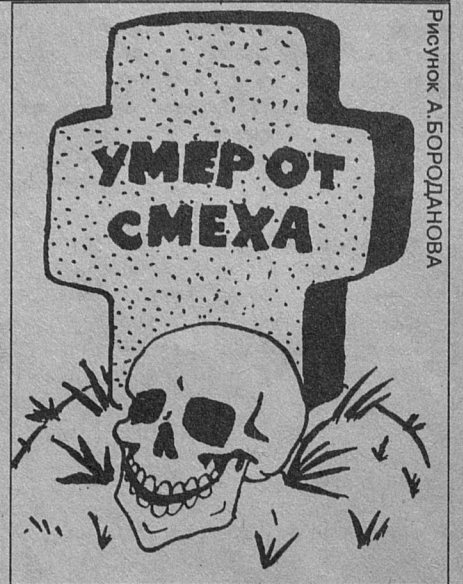
Живет этот парень трутнем.

Из-за своей прихоти он выкрадывает Бэллу и принуждает ее к совместному сожигательству. Любовь не может происходить в неволе.

Печорин обретает свободную волю.

Он купил рубаху с накрахмаленной грудью.

Я принадлежу к той категории любей,

которых Бог одарил множеством разнообразных способностей, забыв пояснить при этом — самое важное, твое.

Так, Манилов очень добр и гостеприимен, правда до слащавости, но все же, а Коробочка просто дура.

Став калекой революции, он продолжает активно работать на революцию.

Смотря на портрет, невольно привлекают внимание глаза человека.

Читая книгу, он очень увлечен ею.

Он изображен с легкой полуулыбкой, показывая этим свою открытость.

Вся его фигура держится робко и стеснительно, показывая этим его легкоранимость.

На его лице написаны его основные качества.

Невозможно понять художника, бросив беглый взгляд на полотно.

Базаров, прощаясь с Одиновой, сравнивает себя со светом и произносит: "Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет".

Ноев ковчег Георгия Ибериони

(Окончание. Начало на 10-11 стр.)

Ведь главное — чтобы имели люди остров объединения. Не обязательно в Грузии, пускай это будет в Индии, в Китае. Но где-то должно существовать место, где сделают первый шаг. Не все же время смотреть друг на друга настороженно. Для нас мать-Земля одна. Ну и что, что имеем границы, свои огороды и свои ритуалы? Нельзя же все в один цвет перекрасить, как это пытались сделать. Каждый должен иметь свой уровень гостеприимства и уровень прихода в гости. И когда это будет — тогда будет в мире порядок и любовь.

Моя проповедь не в том, ковчег это или не ковчег, моя радость не в том, что он есть там. Моя радость будет полнее, если это место людей, поссорившихся сегодня по всей земле, чуть-чуть объединит, хоть один кирпич внесет в построение общего храма.

Я закончил.

Вера или Знание (вместо послесловия)

И все же остаются эти два вопроса — "что?" и "зачем?", и ответы на них не совпадают.

Конечно, с точки зрения Знания ответ Георгия на первый вопрос очень спорен. В первоначальном тексте Бытия, на иврите, нет речи об известии и камне, а есть смола и дерево гофер (су-гр), "легкое, смолистое, на-

подобие кедров или кипариса" (толкование Лопухина), которое упоминается также в книгах Исход и Иезекииль. О том, что прототип библейского Ноева ковчега был деревянным, говорит и его еврейское обозначение — "теба" (tbh): это слово в Библии встречается еще только однажды, в описании плетеной корзины, в которой спасен был Моисей (см. Исход, II, 5). Спорно толкование 16-го стиха: "двух и трехэтажным сделай его", а о размерах Ноева ковчега нельзя говорить определенно, поскольку нам неизвестно точное значение меры длины "локоть". По Лопухину, одно из возможных соответствий нашим величинам — около 156-26-16 м.

Более того, вообще говоря, сам ветхозаветный текст нельзя использовать в данном случае как первоисточник. Достаточно давно установлено, что библейская легенда о потопе восходит к сказаниям древнего Шумера. Широко известен текст "Песни о Гильгамеше" VII-го века до н.э., где изложена поздне-авиловская версия, похожий текст изложен авиловским историком Беросом в III веке до н.э. Но есть и гораздо более древние таблички, датированные не позднее 2100 г. до н.э., а записанные на них шумерская легенда о потопе еще древнее и во всех существенных чертах совпадает с версией Книги Бытия. И описание ковчега спасения как деревянного корабля там однозначно.

Ученые твердо считают, что все библейское сказание о сотворении мира принесено евреями в Палестину при переселении из Вавилонии в начале II тысячелетия до н.э. либо

заимствовано уже в Палестине от местных жителей — ханаанцев.

Но совершенно исключать взаимосвязь легенды о ковчеге и храма в Сакомери тоже пока нет оснований. По тем же шумерским и яхвистским легендам, ковчег, щепки и смола с него служили очень долго объектом поклонения, а на месте, где он пристал к земле, был устроен алтарь. Так почему бы, например, не предположить, что храм Сакомери или хотя бы идея его постройки можно связать с неизвестными ныне мистериями, основанными на эзотерическом смысле легенды о ковчеге? И даже если это не так, находка Георгия бесспорно уникальна, а особенности места ее расположения заслуживают пристального внимания.

Итак, Знание, если и не объясняет "что", говорит нам, "что НЕ".

Но это ли важно, если есть второй вопрос — "зачем?"

Помните, Георгий упомянул, что в Грузии хранится голова апостола Фомы? Откройте Евангелие от Иоанна, прочтите, что сказал Иисус Фоме, дав тому удостовериться в своей реальности:

"Ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие."

Георгием Ионта Ибериони и его Братством движет Вера — и творит реальное добро. Исцеляются люди, становятся чище и добрее, обретают единство. И одного этого достаточно, чтобы закрыть глаза на утверждения Знания, не греша при этом против Истины. Достаточно, чтобы согласиться: да, в высшем понимании Георгий действительно открыл для мира остро-

вок спасения — неважно, Ноев ли это ковчег в ветхозаветном смысле, Прибежище в смысле буддийском; не в названии суть, а в Пути (в смысле даосском).

Ну, а кто и почему выберет свой Путь посредством Знания или Веры — это уже вопрос личных убеждений.

Игорь МАЛЬСКИЙ

Автор благодарит Владимира и Наталью Евсеевых за помощь в организации интервью.

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

Издатель: Санкт-Петербургский
Государственный
Университет
Адрес: Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9,
аудитория 113
Телефон: 218-94-88

Главный редактор: Наталья Кузнецова
Выпускающий редактор: Сергей Лобачев

Отпечатано в ГТК СПб, Фонтанка, 59
Подписано в печать: 09.09.1993
Заказ 232 Тираж 2000 экз.